

Елена Тулушева пишет строгую, жёсткую и притом тонкую, истинно художественную прозу. Её рассказы оставляют ощущение документальности. Не думаю, что они действительно абсолютно документальны, но настоящий реализм и должен быть достоверным. Реализм призван к тому, чтобы люди поверили: вот так и было на самом деле. В этом его сила, в этом сила и редкий нынче дар Елены Тулушевой.

Она не играет словами, смыслами, интеллектом; не играет в литературу. Она её создаёт. Превращает в кристаллики мезиво ежедневной жизни, запечатлевает людей с их нехитрыми, но всё же особенными, неповторимыми в деталях судьбами...

Роман СЕНЧИН

МАРИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Мария Васильевна неспешно оделась: натянула спортивные брюки, ветхую блузу, достала калоши, повязала косынку. Дом начинал затихать. Миша бы очень ругался, увидь он её сейчас в «таких лохмотьях». Но она всё рассчитала. Два года бессонницы дали ей достаточно времени, чтобы изучить ритм жизни соседней.

Понедельник. Программа «Время» давно закончилась, собачники возвращались с прогулок – значит, уже начало одиннадцатого. Виктор с третьего этажа вернётся не раньше часа. Его смена в автобусном парке до полуночи. Он единственный, кто может пройти мимо неё. Из «неспящих» есть ещё молодёжь. Они часто подолгу стоят у подъезда, шумно расходясь уже за полночь. Но, во-первых, они откуда-то сверху и всегда ездят на лифте. А во-вторых, сегодня понедельник. Мария Васильевна давно заметила, что по понедельникам жильцы стараются поскорее прийти домой и больше не выходят. Устают. Подъезд засыпает раньше. Она потому и выбрала понедельник – первый понедельник каждого месяца. Вот, например, в пятницу она бы не рискнула. Подъезд бурлит, гудит, суетится. Всю ночь слышен топот. А зимой эти с верхних этажей вообще так и сидят на лестнице, курят, выпивают и всё болтают, болтают. Слышно даже через закрытую дверь.

Когда-то, еще в первый год после переезда, она посоветовалась было с Мишей, не поговорить ли с ребятами, чтобы вели себя потише. Сын разгорячился:

– Это тебе не Гомель! Не надо здесь никого воспитывать! Ты понимаешь, что здесь так не делают?! – потом заметил её растерянность и чуть мягче добавил: – Мам, я тебя прошу. По-

жалуйста. У меня и так столько проблем. Не усложняй. Сидят они, лично тебе ведь спать не мешают?

– Да мне-то, Мишенька, не мешают. Я и днём могу прилечь, а остальным какво? У нас и с детьми семьи есть, а на первом этаже пара врачей. Им, бывает, с утра на дежурство. Я же только попросить хотела, чтобы потише...

– Mam, пожалуйста, заканчивай эти свои привычки. Вот ведь, зашёл на чай, а в итоге, как попугай, одно и то же тебе объясняю! По какому разу, а ты не слышишь!

– Мишенька, ты извини-извини! – всполошилась она. – Я не буду. Я тебя поняла. Ты поешь, отдохни, а я молча посижу. Извини меня.

Так и не поняв реакцию сына, она всё же не решилась поговорить с шумной компанией, хотя и была уверена, что нашла бы нужные слова. Всё-таки тридцать пять лет проработала в школе. Почётный гражданин города. Сколько было сложных ребят, непростых семей, но диалог всегда получался.

Она была строгим учителем. За принципиальность и активность директор продвигал её по партийной линии. «А разве можно было быть не принципиальной, – привычно заговорила она сама с собой. – История – это не литература, двух мнений здесь быть не может. А история компартии в старших классах – тем более. Разве можно тут искать компромиссы? Так не патриотов вырастишь, а предателей. Их ведь, молодых, так легко запутать, так легко увести по ложному пути. Тогда нам, конечно, было проще. Учебники на всю страну одинаковые, программа – утверждённая, идея – единая. Была система, была логика. А вот как им преподают события девяностых? Ведь и не поймёшь, раньше одна страна была... А сейчас, Миша говорит, каждый учитель может выбрать, какую точку зрения преподнести на уроках. Вот и хамят ребята педагогам, потому что чувствуют, что нет у старших единства, нет честных ответов, оттого и уважения у детей к старшим нет».

Она зашла в кухню, по привычке взяла сухую тряпку и протёрла раковину. Подставила под кран пластиковую баночку из-под сметаны. Миша чинил кран в прошлом месяце, но тот снова подтекал, и за ночь раковина покрывалась бисером брызг. Вымытая посуда высохла. Она переложила приборы в шкаф, повесила влажное полотенце на батарею и огляделась в поисках чего-нибудь недоделанного. Всё чисто. Руки по привыч-

ке потянулись к радио. После треска раздались знакомые речи «Политического обозрения». «Тьфу, пропади вы пропадом. Одно и то же мусолят. Лучше бы Радзинского включили. А то вас, лодырей, каждый вечер слушать, а его только по субботам! Ведь какой умничка, как рассказывает... С голосом только не повезло», – она вздохнула, опереживая писклявому телеведущему.

Мария Васильевна подошла к окну. Со второго этажа проглядывался небольшой участок широкого проспекта. Ей нравилось вечерами смотреть на разноцветные огни автомобилей и яркие витрины. Ночами было красиво, хоть и шумно. А вот днём она старалась в окна не глядеть, особенно засушливым летом. Выцветший на ярком солнце пейзаж навевал уныние: серое шоссе, пыльные тротуары, измождённые жарой люди. Из окон не видно было ни одного дерева. А с прошлого года убрали и газоны. Миша был доволен: «Наконец парковки у вас нормальные сделали, а то, как ни приедешь, один стресс, где бы во дворе прибиться!» Ей было тоскливо наблюдать, как последние зелёные лоскутки – единственные маяки лета – исчезают под серой гладью асфальта. Но если это облегчит сыну приезды в гости, то что ж, она потерпит. Она потерпит.

В Гомеле вокруг её окон извивалась виноградная лоза. Летом тени от листьев кружились по кухонному столу, выписывая узоры, как в детском калейдоскопе. Её маленький огородик, плотно засаженный овощами и малиной, пестрел всеми оттенками зелёного. Летом приезжали внуки, и весь день проходил в готовке. Но когда она возилась у плиты, переворачивая к полднику ароматные пышки, или строчила девочкам кружевные выходные платяица, она, и не глядя в окно, знала, какая картинка снаружи. Каждый куст, каждую вишню соседского огорода, лужайку с ребятнёй, обрамлённую аккуратными сараями, яблоню у общей калитки. Она прожила здесь сорок лет. Они сами с мужем строили этот дом, как и другие пятнадцать семей. Строили долго, добротнo, для себя, для детей, для внуков. Два этажа, два подъезда, погреба, огороды, сараи, закрывающие двор от посторонних глаз. Сорок лет ничего не менялось. Только деревья росли всё выше да вьюн расползся от крыши подъезда, укрывая тёмной зеленью весь фасад дома.

Когда она вышла из квартиры, в подъезде было темно и холодно. Отопление включали только в конце октября. У них в Гомеле в доме

была газовая колонка. Тепло, и горячая вода каждый день. После переезда сюда ей казалась странным снова мыться из тазика летом, как в далёком довоенном детстве.

Из-за соседской двери доносились звуки sireны и стрельбы: сосед засел за сериал. Значит, уже одиннадцать. Она тихонько прикрыла дверь, не решаясь захлопнуть. В прошлый раз из-за перегоревшей лампочки она долго не могла попасть ключом в скважину. И чем дольше пыталась, тем сильнее переживала, что кто-то из соседей её увидит, а потом Мише скажут, и он снова будет ругаться, что она занимается не своим делом и позорит его своим видом. «А в каком, прикажешь, виде выходить? – рассуждала она, натягивая плотные резиновые перчатки. – И потом, ведь я всегда в чистом. А что не новое – так ведь и не на танцплощадку». Она беззвучно переставила к лифту ведро с водой, развернула цветастый, вручную обмётанный лоскут ткани, бывший когда-то её домашним платьем, и беззвучно погрузила его в воду. Отжав тряпку насколько хватило сил, она поднялась на один лестничный пролёт и принялась плавно, одну за другой, мыть ступени. Спустившись к площадке своего этажа, она прополоскала тряпку, с облегчением заметив, что грязи накопилось не так много. В прошлом месяце всю неделю до её «дежурства» город затапливали ливни, и воду пришлось дважды менять. А это время и силы: на улицу вылить, подняться...

Сейчас было сухо. Дожди ушли, а снег пока ни разу не укрывал столицу. Да и пару недель назад к ним всё-таки заглянула уборщица – тучная женщина в грязной сине-оранжевой форменной куртке, с обветренным лицом. Убирать должны были раз в месяц, но уборщица приходила, только когда Рая с первого этажа звонила с жалобами в ЖЭК. Мария Васильевна тоже хотела звонить в ЖЭК, но Миша, услышав это, заворчал: «Ну почему тебе всегда больше всех надо, мам?! Какая тебе разница, что там? Ты же не в подъезде живёшь, а в своей квартире. Придёт время – уберут. Только не вздумай сама мыть – я тебя знаю! Или, тем более, соседям предлагать – решат, что ты не в себе».

Она и заикнуться не успела о своей идее, а Миша уже запретил! А ведь он и сам наверняка помнил, какой у них в доме был заведён порядок. Каждую неделю одна из квартир мыла оба этажа, график висел у входа. В подъезде всегда было чисто, никому и в голову не приходило плюнуть

на лестнице или разрисовать стены. То были свои... Раньше ей казалось: свои – потому что ровесники, к труду в войну приучены, идеей одной шли, воспитанием общим жили. А их дети уже по инерции включались в правила дома. Но переехав сюда, Мария Васильевна с удивлением обнаружила, что дело не в возрасте. Две старушки с первого этажа ни разу за пять лет не ответили на её «добрый день!» Притом та самая громкая молодёжь здоровалась, даже когда она просила их не курить в подъезде. Её сверстницы здесь жили поодиночке, ни с кем не общаясь, редко выбираясь из квартиры. Куда уж с ними было завести разговор о дежурстве. А к тем, что помоложе, она и сама с таким предложением не подошла бы: угрюмые по большей части, всегда торопятся, уставшие, раздражённые. Как и её Миша в последнее время. Совсем другим ведь был.

Пока она вспоминала сына, его шутки, приключения и первые разочарования, она и не заметила, как уже дважды вымыла всю лестничную клетку. Лёгкий запах соды почти выветрился. Она выпрямилась, кряхтя от боли в спине и ногах. Чисто...

Мария Васильевна сидела на кровати, массируя колени дрожащими руками. Всё было вымыто, выстирано, развешано. За стеной давно замолчал телевизор. Наверху сегодня никто не скандалил. Подъезд глубоко спал.

У входа послышались шаги, затем звуки кнопки домофона. Шаги устало зашаркали по ступеням, замерли перед вторым этажом...

Она улыбнулась, представив, как Виктор удивленно смотрит на сияющую чистоту и осторожно, стараясь не наследить, пробирается по краю лестницы домой.

Виктор привычным жестом выгреб из почтового ящика все бумаги и начал разбирать письма. «Опять одни счета! Света белого от вас не видно!» – он раздражённо сплюнул в коробку для листовок и поплёлся домой.

ЗВУКИ МУЗЫКИ

– *Вставай, тварь такая!*

Господи, что случилось?

– *Я тебя, мразь, сейчас пришибу!*

На часах 8:05. Откуда доносится рёв – непонятно.

– *Школа, твою мать, через двадцать минут!*

Школа? Да вроде уже за плечами институт. Кошмарные воспоминания из детства? Вроде такого не было.

56

– Ты у меня поспишь! Подняться она не может!

Послышались сдавленные вопли. Открыв глаза и сообразив наконец, откуда доносятся крики, Лиза облегчённо выдохнула. Недоумевая, она прошлепала на кухню:

– Mam, это что?

– Ты о чём? А, это? – подняла она глаза к потолку. – Это артист свою дочь будит в школу. Доброе утро!

– Да уж, доброе... И давно это у них так?

– Года три. Ты просто раньше в будни не приезжала. Как жена его сбежала, так и началось.

Вопли продолжались ещё минут пятнадцать. Конфликт, по-видимому, разрешился: в окно Лиза увидела вылетающую из подъезда растрёпанную девчонку лет тринадцати с расстёгнутым рюкзаком, на ходу натягивающую не по погоде лёгкую куртку. Со второго этажа её лица было не разглядеть.

Когда Лиза была маленькая, сверху часто раздавались ритмичные постукивания. Мама говорила, что сосед «бьёт чечетку». А теперь, похоже, бьёт он свою дочь. Хотя через пару лет она вернёт ему всё сполна. Раньше Лиза и не видела девочку. На улицу своего ребёнка соседи не вывели, но, судя по грохочущим перекатам, разрешали покататься дома на роликах. Однажды Лиза заметила в законном пейзаже метаморфозу: крепкий старый каштан побелел. Но не воздушные «свечки» соцветий украсили его: сверху на ветки плавно приземлялись серпантинки туалетной бумаги. Развлекалась соседская дочка. И ведь тогда на неё никто не накричал...

Ещё часто ночами Лиза слышала вальсы и симфонии. Всё тот же сосед включал классику не очень громко часа в три ночи, полагая, что все уже спят и не проснутся. Музыкальный мужик... Она отхлебнула горячего чая, размышляя, как странно меняются люди. Может, артисты, особенно неудачники, склонны к деспотизму? Сами живут под диктовку режиссёров, продюсеров и всяческих выжиг, вот и требуется компенсация. Не улучшает характер и бытовая неустроенность – гастроли по райцентрам, нетопленые ДК, гостиничные номера на пять коек, больше смаживающие на обшарпанные комнаты общаги...

Хотя этот ещё ничего – сосед сбоку включал музыку днём, да погромче. Даже с годами Лиза так и не научилась понимать, что это: рок, металл или какая-то другая самодеятельность. Отвратительный гортанный рёв был сдобрен хао-

тически размазанными воплями электрогитар и рассыпающимися барабанными дробями. Вживую этого странного типа она видела не чаще, чем соседскую дочку сверху, но его музыку слышала даже через беруши. Безуспешно попытвет над «домашкой» под ядерный аккомпанемент, Лиза с детской вспыхивающей усаживалась за пианино и изо всей мочи вбивала в клавиши бетховенского «Сурка». Сосед должен был испытать на себе всю тяжесть музыкальной мести!

– А рокера нашего что-то не слышно, – она поглощала завтрак, разглядывая унылое утреннее небо.

– Похоронили его летом. Утонул пьяным, царствие небесное, – мама перекрестилась. – Ещё сырников подогреть?

– Судя по его музыкальным вкусам, подземное царствие ему было ближе. Да, ещё бы парочку навернула.

– Лиза, ну что за богохульство!

– Да ладно, может, он вообще неверующий был. Да и какая ему теперь разница, вряд ли обидится.

– Лиза!

– Да, мамуль? Слушаю тебя. Очень вкусные сырники, пасибки.

– На здоровье. Ты всё-таки в родительском доме. Можно как-то без чёрного юмора?

– А без юмора в нашем доме никуда, ты же понимаешь. Ладно, пойду шкаф, что ль, разберу, пока время есть.

– Батюшки, что творится! С чего бы это?

– Хм, я ведь и передумать могу... – она ехидно улыбнулась и пошла, напевая, в комнату.

Дом просыпался. Натужно гудели водопроводные трубы, нетерпеливо скользили стулья, щёлкали дверные замки, неуклюже топали лестничные пролёты. Сонный лифт лениво карабкался вверх, чтобы, замерев на мгновение, выдохнуть вниз.

Ей захотелось посмотреть на этот поток жизни, выплывающий из подъезда. Она забралась на подоконник, сложила по-турецки ноги и оглядела «сцену». Дворник ритмично почёсывал дорожку корявой метлой. Торопливые офисники загружали обрюзгшие тела в машины, ругаясь на узкие проезды. Раздражённая мамочка, собрав остатки выдержки, уговаривала плетущегося рядом недоспавшего малыша.

Двор терпеливо ждал, пока его жильцы отыграют привычные роли и разбегутся, оставив его наслаждаться антрактом до полудня. Жизнь бу-

дет кипеть где-то там, на проспекте, а здесь... тишина... до второго действия, в котором вернутся школьники, закопшатся по углам площадки, заполнят смехом подъездные пролёты. Домохозяюшки выплывут с собачонками размером с ладонь. После обеда выползут и мирные пьянчуги посидеть у площадки. В это время они ещё трезвые, выходят пообщаться. Двор снова оживёт. И будет услужливо предоставлять свои подмостки до самой ночи.

Кстати, о пьяницах. В последние годы их почти не видать. Один только и остался местный псих с шестого этажа, сам с собой ругается, уже с утра закупившись алкоголем.

А когда Лиза была маленькая, в пресловутые девяностые, никому не было дело до пьющих. Она вспомнила весёлого кукловода из соседнего подъезда. Он иногда приходил к ним в детский сад со своими смешными номерами. А по ночам, хорошенько выпив, декламировал целые поэмы, прохаживаясь вдоль двора. Читал с выражением, громко. Никто его не гонял, не кричал с раздражением из окон. Принимая игру, жильцы припоминали строчки и старались проговорить их раньше хмельного чтеца.

Однажды они пошли с мамой в детский сад, а у соседнего подъезда стоял гроб. Лиза первый раз вживую увидела гроб. В нём лежал кукольник. Сморщенная бабулька сидела рядом на табуретке, поправляя венок. Кукольник был такой нарядный и чистый, лицо его было без щетины, заметно моложе, и улыбалось. Лизе показалось, что он был очень добрым в тот момент. Даже захотелось подойти поближе, но мама резко ускорила шаг, перекрестившись. Потом мама несколько раз переспрашивала Лизу, не плохо ли ей, не испугалась ли она. А чего было бояться – он вон какой лежал радостный. Ещё мама как-то сбивчиво и не очень понятно рассказала, что так обычно делают в деревнях: выставляют гроб, чтобы соседи могли проститься. Лиза не поняла, почему только в деревнях, но спрашивать не стала: уж очень мама торопилась и как будто сердилась.

Лиза сидела на подоконнике, перебирая детские воспоминания. Откуда-то издали послышалась неуверенная мелодия. Спотыкаясь, она никак не могла разлиться вволю. Лиза замерла, прислушиваясь, пытаясь определить, что это. Слабые звуки долетали едва-едва. Видимо, детские ручонки выводили снова и снова воздушную польку. Это была флейта. Волшебная городская дудочка.

Ковёр бы выкинуть давно... Сколько раз бабушке говорил... Да теперь уж ладно, пусть сама решает. Они наверняка будут рады его новости. Бабушка столько лет спала в кухне, а теперь наконец сможет спокойно вздохнуть. Только отчего так тоскливо?

Ему хотелось пройти по комнате, как в американских фильмах, когда герой прощается с домом, медленно шагая по пустым коридорам, прикасаясь к знакомым стенам... Но весь проход между его разложенным диваном, громоздким письменным столом и шифоньером преодолел за три неуклюжих шага.

Диван... Когда-то очень дорогой, чешский, пахнувший новизной, доставшийся дедушке каким-то невероятными усилиями. Теперь, с вытертой красной вельветовой обивкой и выползающим из всех щелей поролоном, он представлял собой унылое зрелище. Никита твёрдо решил, что уговорит Настю купить кровать. Неважно, что квартира будет съёмная. О кровати он мечтал всегда, всю жизнь спал с ощущением, будто это временное место. Этот ритуал, каждый вечер раскладывать и утром снова складывать диван, он напоминал поездку в поезде: скатать матрас, сдать бельё... Наверное, как и у всех малышей, у него была когда-то маленькая кроватка. Но сколько он себя помнил, этот диван был неизменным и таким недвижимым, он как будто врос в комнату, со временем даже отказавшись складываться.

Он уговорит Настю, хоть они уже и поссорились из-за кровати. У неё же куча идей, как заполнить пространство, создать «уют». А ему нужно так мало. Ей придётся уступить. Теперь он будет решать. Так должно быть. Он мужчина.

Никита заметил, что стучит пальцами по запылённой коробке. Компьютер... За четыре месяца он так и не нашёл времени, чтобы подключить отчиму ноутбук. А ведь тот пару раз спрашивал, а потом, видимо, застеснялся.

Стало стыдно и совсем тоскливо. Он вспомнил, как они ездили в магазин. Мама, конечно, тоже поехала, такие покупки всегда выбирали вместе, готовясь и обсуждая уже за неделю, а то и две. Никита ощущал на себе сочувствующие взгляды продавцов и злился, когда молодой высокомерный парень демонстративно игнорировал чудаковатую пару и обращался с предложениями только к Никите. А мать с отчимом, как дети, подходили к каждой модели, трогали, чита-

58

ли вслух описание и рекламные брошюры. Им было важно выбрать самим. И Никита молча ждал, не отвечая продавцу.

Когда-то он стеснялся ходить с мамой в магазин: смущала её болтливость, наивные вопросы, привычка разговаривать с незнакомцами. Продавщицы обычно бывали вежливыми, но ему это казалось лживым. Мать не понимала детского смущения, но на помощь часто приходила бабушка: она находила маме дела по дому, а в магазин с внуком ходила сама.

А потом появился отчим. Точнее, сначала он был просто Славик. Смешной, застенчивый, немного заикающийся. Познакомились с мамой в социальном центре на занятиях. У них оказались одинаковые диагнозы, и они радовались этому так искренне, как будто не сниженный интеллект, а особый мир связывал их.

Никита помнил, как Славик приходил в гости и всё говорил, говорил, больше мамы, но при этом постоянно краснея. Никите было лет тринадцать, жизнь кипела, и он не заметил, как Славик стал частым гостем, болтал какую-то ерунду про свадьбу. В «детскую» Славик не входил, иногда подолгу смущённо топчась на пороге. А Никита забавлялся, зная, что тот ждёт, что его окликнут, а нет, так и будет стоять, хоть полдня.

Однажды вечером Никита вошёл в подъезд и услышал шорохи под лестницей. Привычное дело: там часто болтались ребята или курили семейные мужики. Он уже начал подниматься к лифту, но что-то знакомое уловил в шёпоте. Он резко повернулся и заметил мамино пальто.

– Ты чего тут?! – крикнул он.

– Привет, Никит! – мать по-доброму улыбнулась, шагнув к лестнице. Только сейчас он увидел в её руках розу в дешёвом целлофане. – А мы тут со Славой болтаем. – За маминой спиной перетапывался Славик. Лица не было видно, но Никита и так мог представить его обычное выражение неловкости.

– Совсем сдурели?! – Никита и сам вздрогнул от своего крика. Возмущение, гнев, стыд – всё слилось воедино. – Кухни вам не хватает?! На весь дом позориться решили?

Перед глазами замелькали картинки, как соседки, поднимаясь к лифту, вежливо отводили глаза. Как мать по своей привычке наверняка с каждым заговаривала. Воображение мгновенно надумало всеобщий смех, сплетни и перешёптывания. Стыд навалился на него, такой огромный и невыносимый, что он впервые заорал на

мать, не думая, что кто-то может войти в подъезд. А они стояли растерянные, смущённые, непонимающие. Потом он ухватил мать под руку и потащил к лифту, рывкнув Славику, чтобы валил, пока жив. Тот так и замер внизу, пугливо прижимая мамину сумку.

Никита не помнил, что он орал маме, не помнил, что пытался прокричать бабушке. Он нарочито громко хлопал дверьми в квартире, что-то рвал, выкидывал в окно, потом со злобой тщетно пытался прилепить самодельный крючок, чтобы запереться в комнате, хотя к нему и так никто не заходил. Он проснулся за полночь. Заглянул в спальню – бабушка спала. В комнате пахло валерьянкой. Из ванной слышалось журчание. Он открыл дверь. Там была мама. Она сидела на краю ванны и плакала... Его мама, простоватая («Уж лучше бы молчала», – случалось, сердился Никита), но улыбчивая и светлая, никогда не плакала. Или просто он никогда не видел... Что бы ни происходило, она не унывала, улыбалась восторженно или задумчиво, сочувственно или с сожалением, но улыбалась.

Он растерялся, не зная, что делать. А мама сжимала в пальцах сломавшуюся подвядшую розу и плакала.

Даже сейчас, вспоминая ту сцену, ему было всё так же горько. И вроде всё потом наладилось, со временем он привык к Славику; никто не вспоминал ту вспышку ярости... Но отвратительное щемящее ощущение в горле иногда накатывало. Вот и сейчас он некстати вспомнил этот случай, хотя и так было паршиво. Он знал, как родителям хотелось свой ноутбук, как им важно было «не отставать» от прогресса... Теперь обязательно надо успеть подключить. Только где же выкроить время? Переезд, работа, Настя... Но без него точно не справятся.

– Никит! – в дверь постучали.

– Да, бабуль, чего?

– Никитушка, обед готов. Ты поешь или подождём маму? Они уже вот-вот должны прийти. – Бабушка приоткрыла дверь. – А ты чего такой? У тебя всё в порядке? Бледный какой-то, не заболел? – Она дотянулась до его лба. – Вроде прохладный. Работаешь ты много, совсем зелёный стал.

– Да не, всё нормально, ба. Я подожду, вместе поедем. – Ему хотелось оттянуть момент разговора, ещё какое-то время не слышать их вопросов, не видеть их лиц... – Мусор есть? Выйду подышу.

Никита вышел на лестничную площадку. Удивительно чисто. Только паутинки у потолка ещё с лета. Последний, девятый этаж, чужие сюда не забирались. Он оглядывал знакомые стены, перила с выцарапанным им самим лет в десять «Цой жив». Он тогда и не знал, кто это. Просто видел везде надписи и повторил.

Сколько времени он проводил здесь, откладывая момент возвращения домой, когда нёс из школы очередную двойку или весть о пропаже сменки, когда прятал в портфель трофейный, честно выигранный арбалет, который бабушка заставила потом отдать обратно. Он стоял и по детской привычке ковырял ботинком скол плитки у ступеньки. Возле соседней, 143-й квартиры узор из уродливых коричневых квадратиков сбивался. Не хватило, видать, цветной плитки и всё залепили белой. В детстве он был уверен, что там, под этим белым куском, находится лаз. Настоящий, секретный. Только нужно встать на нужное место, чтобы он открылся. Он улыбнулся, вспоминая, как пытался «нажать» правой ногой на свой коврик, а левой – на соседский, это и была тайная схема. Потом старуха-соседка жаловалась бабушке: «Никита-то ваш об мой коврик ноги вытирает, чтобы ваш не пачкать». А он стоял, вдавливая подбородок в грудь, готовый взять на себя любую вину, но не выдать догадку о потайном лазе. Да и отпираться было глупо – на цветастом коврике развалились фигурные кусочки мартовской грязи с его ботинок.

Лифт поднимался, приближая знакомые голоса. Через пару мгновений двери открылись.

– Никита, привет! А ты чего так рано? – Мама поцеловала его в щёку.

– П-п-привет, Ни-и-кит. – Отчим протянул красную от холода руку.

– Привет! Да поговорить хотел. Мы с Настей собираемся жить вместе, – он выпалил это так быстро, что сам не понял, как проговорился. Но в тот же момент стало удивительно легко, как в детстве, когда приходил с плохими новостями, а дома сидели гости, и никто уже ругаться не мог.

– Вот это новость! – мама засияла. – Здорово, Настенька хорошая такая!

– П-поз-здр-здравляю! – Славик снова протянул руку.

– Да, спасибо, пока не с чем особо. – Никита был смущён их реакцией и досадовал на себя, что так долго тянул с новостью.

– А бабушке говорил? – Мама звонила в дверь, неотрывно глядя на Никиту и улыбаясь.

– Не успел ещё, вас ждал.

Бабушка открыла, они зашли в коридор.

– Мам, Никита-то наш женится! – выпалила мама.

– Этого я, между прочим, не говорил, – Никита улыбнулся маминой прямоте.

– Да ладно уж, понятное дело! – Мама подмигнула ему. – Настя к нам переезжает, будем все вместе!

Повисло молчание. Бабушка удивлённо взглянула на Никиту, который растерялся от маминых слов. Славик стоял у двери, не решаясь пройти дальше, пока все столпились на проходе.

– Это правда, Никитушка? – Бабушка прижала руки и расплылась в улыбке. – Ты мой дорогой! А я смотрю: чего такой с утра? Что ж не сказал, думал, родная бабушка не поймёт? Да мы все так любим Настю! Давно пора. А то живёт с подружкой на съёмной квартире, и ей житья нет, и ты, бедный, выдохся туда вечерами ездить. А тут и дом, и все свои, и на всём готовом.

Никита стоял, не зная, как лучше продолжить разговор.

– Да это ещё не решено. Может, мы обедать пойдём? – Ему было неловко стоять под общими взглядами и улыбками, осознавая, что придётся их разочаровать.

– Конечно, идём!

Мама сняла пальто и пошла мыть руки. Славик продвинулся вперёд и начал старательно пыхтеть над шнурками.

– Это ещё не точно, бабуль. Своё жильё всё-таки хочется... Может, мы одни...

– Конечно, своё лучше. Эта-то квартира твоя. И комната у вас своя будет. Мы маму со Славиком в «детскую» переселим, а вас – в спальню. Кровать купим или диван раскладной? Хотя места там много, чего вам на диване мучиться.

– Да я не знаю, ба, – Никита совсем растерялся, уже не понимая, где его мысли, где Настины, где бабушкины... – Может, снимать лучше...

– Да чем же это лучше?! Сам сказал: своё жильё хочется. Настя, что ли, хочет?

– Вроде того, – ему снова стало стыдно за враньё, но сказать по-другому не получилось.

С другой стороны, это, и правда, была Настина идея. Как сейчас с бабушкой, так и месяц назад в разговоре с Настей он и не заметил, как предложил ей жить вместе. Она что-то говорила про цветовые сочетания в доме, он как-то невнятно пошутил... И тут она вдруг расплакалась,

что ему на неё плевать и он и не любит её вовсе, раз за два года не предложил жить вместе... Ни с чего как давай рыдать. Он и предложил. Потом они сразу помирились, и он удивлялся, почему раньше сам не додумался, ведь это так просто и логично – жить со своей девушкой вместе...

– Мы пока ещё не решили, бабуль. Снимать квартиру сейчас легко, можно найти недорого и к работе поближе.

– Ох, натаскались мы с дедом по казармам и съёмным квартирам! Бывало, и комната хорошая, и соседи замечательные, и жили дружно... но ничего не сравнится со своим жильём. Здесь каждый угол твой. Тепло хранит, воспоминания, и всё здесь так, как хочется именно тебе. А в съёмной квартире каждый шаг обдумай, даже стены пахнут чем-то чужим, лишний раз гвоздь не прибьёшь – разрешение спрашивать нужно. А ведь это, Никитушка, очень важно, когда можешь сам решать. А что Настя хочет, так ей так и так

вдали от своих жить. Но она просто пока не понимает: на тебя и приготовить, и постирать, и погладить, а она сама работает и учится вечерами. Когда всё успевать будет? Вот и начнётся у вас ругань. А тут ещё и квартира съёмная.

– Ну, это мы ещё не решили. Мы пока обсуждаем...

– А чего обсуждать, если здесь твой дом? Всё-таки мужчина должен решать, а ей придётся и уступать иногда. Так она и строится, семья-то. – Бабушка принесла маме полотенце. – Ну, пойдёмте обедать! Теперь столько всего надо обдумать! Славик, что ты всё мнёшься у двери, разделся, так иди за стол.

Славик неуклюже протиснулся за женщиной на кухню. Никита рассеянно захлопнул входную дверь и осмотрелся. Из его комнаты выглядывал край дивана с уютно свисающим пледом. Он остановился на пороге, пытаясь понять, что теперь делать.

